

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

ТАЛИСМАН ДЕСАНТА

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Талисман десанта

«ЭКСМО»

2012

Зверев С. И.

Талисман десанта / С. И. Зверев — «Эксмо», 2012 — (Спецназ ВДВ)

С самого начала афганская операция майора Лаврова и его группы спецназа ВДВ пошла наперекосяк. Там, куда должны были десантироваться воины, неожиданно оказались моджахеды. Группу обстреляли еще в воздухе, в результате чего была утеряна связь с Центром. Отряд спецназовцев понес тяжелые потери. Но задание – найти и эвакуировать двух российских разведчиков – должно быть выполнено в любом случае. Неизвестно, чем закончилась бы эта смертельно опасная операция, если бы не неожиданная встреча в афганских горах Лаврова с человеком, давно считавшимся погибшим...

Содержание

1	5
2	9
3	17
4	21
5	30
6	34
7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Талисман десанта

1

Ровно гудели мощные двигатели транспортного средства. За стеклами кабины расстилались сверху – безоблачное небо, а снизу – приволжская степь, расчерченная на квадраты тонкими ниточками лесополос. Вдалеке серебрилось кривой саблей русло реки.

Майор Лавров стоял в открытой двери, ведущей в кабину пилотов, смотрел на сотни раз виденный и с земли, и с высоты пейзаж. Пусть родился майор не в здешних местах, но Поволжье стало ему родным домом.

Спецназ ВДВ – это не столько профессия, сколько судьба и образ жизни. Жизни нелегкой, полной опасностей. Но комбат Лавров свою судьбу выбирал сам, а потому и любил, не представлял себе иной.

– Товарищ майор, выходим в квадрат десантирования, – крикнул Лаврову пилот.

Комбат кивнул – мол, понял, – и вернулся к своим бойцам. Парашюты надеты. На лавке вдоль борта транспортного средства сидели плечом к плечу молодые десантники. Правда, по-настоящему так их еще нельзя было назвать. Какой же это десантник, если он еще с парашютом не прыгал? Первый прыжок для десантуры – это как крещение.

Три десятка настороженных глаз следили за комбатом Лавровым. Майор прекрасно знал, что уже не одно поколение десантников за глаза называет его Батяней. И эта уважительная кличка передается от призыва к призыву. Не каждый офицер заслужит подобное. Для этого нужно стать в прямом смысле вторым отцом для ребят – строгим, но справедливым.

Лавров всегда десантировался вместе с теми, кому предстояло сделать свой первый в жизни прыжок. Не то чтобы не доверял своим инструкторам или был обязан делать это по долгу службы. Просто в каждой военной части существуют свои неписанные традиции. И совместный первый прыжок с комбатом-батяней был чем-то вроде ритуала-посвящения.

«Ну, сынки, – мысленно произнес Лавров, – вот и ваш день настал», – и ободряюще улыбнулся.

Тревожно гудел зуммер, моргал фонарь, леера пристегнуты к тросу. Медленно опускалась хвостовая аппарель. Ветер ворвался внутрь транспортного средства. Десантники один за другим покидали самолет.

– ...пятый пошел, шестой пошел, – кричал ротный, капитан Столяров, и легонько подталкивал молодых бойцов в спины.

Когда последний боец взвода исчез за краем аппарели, Лавров выглянул и напряженно улыбнулся. Все купола раскрылись. А ведь изредка, но случались ЧП. Сейчас Андрей Лавров старался об этом не думать.

– Ну, капитан, и я вслед за ребятами пошел. До встречи на земле! – Лавров пару секунд постоял на самом краю аппарели, расставив руки, а затем нырнул вниз.

Тугой ветер ударил в лицо, затрепетали рукава, штанины камуфляжа. Мелькнула, поднялась вертикально земля, затем она оказалась над головой. Майор, лавируя руками и ногами, привычно выровнял падение; он прекрасно чувствовал воздух, мог буквально плавать в нем. Наступило чудесное ощущение полета, невесомости. Оно никогда не приедалось, хоть и было знакомо до мелочей. Но каждый раз Лаврову вспоминался его первый прыжок, совершенный еще до того, как он поступил в знаменитое на весь Союз Рязанское училище ВДВ. Первый прыжок – это как первая любовь. У мужчины может быть много женщин в жизни, но ту, которую он неумело поцеловал первой, не забудет никогда. Лавров за компанию с друзьями пошел

в областной аэроклуб, вот там он впервые и шагнул за люк потрепанного «кукурузника». Приземлившись после первого прыжка, шестнадцатилетний Андрей уже наверняка знал, что небо – его судьба и быть ему десантником. Теперь же ему было солидно за сорок.

Хлопнул над головой купол раскрывшегося парашюта. Лаврова встряхнуло. Ощущение было таким, будто его потянуло вверх – в высоту. Но опытный десантник знал – это иллюзия, просто после стремительного падения именно так воспринимается плавный спуск. Волшебство исчезло, мир встал на свое привычное место. По большому счету Лавров, если бы захотел, мог бы даже немного вздремнуть. Майор потянул за стропы, направляя парашют к квадрату, на котором должны были приземлиться его бойцы.

И тут в нагрудном кармане камуфляжа ожил мобильник. Комбат не слышал его звонка, он ощутил лишь вибрацию. Такое, чтобы ему позвонили во время прыжка, случилось впервые, майор даже улыбнулся – надо же! Он вполне мог дожидаться приземления и уж потом перезвонить, но все же Лавров достал гарнитуру, закрепил ее в ухе и ответил:

– Майор Лавров слушает!

– Майор, ты сейчас где? – раздался в наушнике голос командира части – полковника Дерюгина.

– Между небом и землей, товарищ полковник, – с улыбкой доложил комбат.

– Не понял, майор, плохо тебя слышу. Шум какой-то.

– Ветер шумит, товарищ полковник.

– Короче, так, мне доложили, что ты на полигоне. Тебя один серьезный человек видеть хочет. Дело срочное. Мы с ним к тебе уже едем. Жди. Бойцами пусть твой заместитель капитан Столяров займется.

– Понял, товарищ полковник, – Лавров рассмотрел за лесополосой пилящий по проселку командирский «уазик». – Я вас уже вижу.

– Да не можешь ты меня с полигона видеть, – отозвался полковник. – Конец связи.

Лавров снял гарнитуру, затолкал ее в карман и потянул стропы парашюта, тот послушно изменил направление.

Молодой водитель-срочник лихо крутил баранку, объезжая на скорости выбоины и рытвины. Что творится за машиной, видеть он не мог – следом за «УАЗом» тянулось густое облако мелкой пыли. На заднем сиденье тряслись командир части полковник Дерюгин и его спутник – немолодой сидящий мужчина в строгом деловом костюме, при галстуке; на коленях у него лежал серебристый кейс с цифровыми замочками. Мужчина казался пришельцем из другого мира, настолько его облик не вязался со здешним выбеленным солнцем пейзажем. Прическа – седой волосок к волоску, на вычищенных ботинках – ни пылинки; белоснежный воротник рубашки, несмотря на жару, застегнут и туго стянут галстуком.

Водитель-срочник вскрикнул от неожиданности. За лобовым стеклом мелькнуло что-то, пролетевшее над тентом «УАЗа». Он вдавил тормоз и беззвучно выругался.

Метрах в тридцати перед машиной прямо на проселок опустился десантник, умело погасил купол и, отстегнув парашют, подошел к машине.

– Товарищ полковник, – вскинул он ладонь к голубому берету, – майор Лавров по вашему приказанию прибыл.

Комбат вопросительно посмотрел на пассажира в строгом костюме.

– Как всегда, непредсказуем, – отрекомендовал Лаврова полковник.

Седовласый мужчина выбрался из машины, ступил на пыльную траву.

– Так вот вы какой, майор Лавров, – многозначительно проговорил он.

– Мы знакомы? – Комбат уже догадывался, какую организацию представляет незнакомец, – скорее всего ГРУ, и чин у него немалый. В нем чувствовалась армейская выправка, он абсолютно не терялся в общении с людьми в военной форме.

– Можно сказать и так, хоть видите вы меня впервые, – без тени эмоций произнес незнакомец, посмотрел на командира части и водителя.

И без слов стало понятно, что им следует отойти в сторонку, разговор должен произойти с глазу на глаз. Лишь оставшись наедине с майором, мужчина представился, протянув руку для пожатия:

– Генерал-майор Гаврилов. С этого момента вы поступаете в мое оперативное подчинение. Если, конечно, дадите свое согласие.

Подобная формулировка могла означать только то, что комбату предстоит очередное ответственное задание. Действовать придется за границами России и нелегально. В случае провала дипломаты родной страны как сумеют открестятся от него – мол, действовал на свой страх и риск. Министерство обороны сделает официальное заявление, что такой человек в списках офицеров Вооруженных сил РФ не числится и никогда не числился.

– Мне не привыкать. Считайте, что мое согласие у вас уже имеется, товарищ генерал. Я должен что-то подписать?

– Не сейчас. Мне достаточно и вашего устного согласия. Вы неплохо знакомы с обстановкой в Восточном Афганистане? Я имею в виду границу с Пакистаном.

– Приходилось бывать и во времена СССР, и позже. Последняя «командировка» случилась чуть больше трех лет тому назад. Думаю, вы неплохо изучили мою анкету, прежде чем прибыть в Поволжье, и не спрашиваете, а утверждаете.

– Не только изучил. Я курировал многие операции с вашим участием, но оставался для вас, майор, и для ваших людей за кадром. Так что мы старые знакомые... Именно потому мой выбор и пал на вас. Давайте перейдем в машину, там не так ярко светит солнце.

Генерал Гаврилов наконец-то снял пиджак, сел на заднее сиденье, раскрыл на коленях кейс. Внутри лежали папки с бумагами, поверх них стоял ноутбук. Замерцал экран, на нем проявилась карта. Пошло укрупнение.

– Вам предстоит возглавить группу парашютистов, которая будет десантирована в афганских горах на границе с Пакистаном, – бесстрастным голосом вещал Гаврилов, указывая на карте курсором заданную точку. – В группе семь человек. Пятерых подберете сами. Связиста и штурмана – в одном лице – предоставлю я.

– У него имеется опыт участия в боевых действиях?

– Не сомневайтесь, обузой для вас он не станет. И он не «контролер» с моей стороны, – предупредил Гаврилов резонное подозрение Лаврова, после чего щелкнул клавишей мышки.

На экране развернулось окно плеера. Возникло объемное, как в компьютерной игре, изображение. Горные хребты, пустынное плато между ними. В небе появился мультяшный, но вполне убедительный и узнаваемый транспортник.

– Это реальное 3D-изображение местности, – пояснил генерал Гаврилов, – составленное с учетом последних разведанных и космической разведки; база данных постоянно обновляется через Интернет, плюс спутниковая навигация. Точно такая же программа-навигатор будет и у моего связиста-штурмана. Как вы видите, местность практически незаселенная, высадиться можно, не привлекая к себе лишнего внимания.

На экране происходило следующее. Транспортник снизился, из него высыпались парашютисты, раскрылись купола. Вместе с десантниками спускался и контейнер на грузовых парашютах.

– Места знакомые, – проговорил Батяня, а сам подумал, что все пока выглядит не слишком серьезно, словно генерал в лучшем случае презентует ознакомительный курс в аудитории Военной академии, а то и вовсе – новую компьютерную игру.

– Не улыбайтесь так скептически, – прочувствовал настроение Лаврова генерал Гаврилов. – Я, как человек старой закалки, тоже поначалу с сомнением относился к подобным техническим новинкам, но потом убедился в их пользе. В программу вложено не одно это место,

а объемная карта всего региона. Благодаря ей вы можете отыскать любую тропку, буквально пройти по ней, замерить сектор обстрела, найти здания, укрытия. По большому счету, программа заменит вам разведку.

– Реальную разведку ничто не заменит, – заявил Лавров, глядя на то, как условные десантники на экране компьютера разбирают контейнер, выкатывают из него квадроциклы и, уже моторизированные, движутся по направлению к восточному ущелью. Затем изображение уменьшилось, и движение группы десантников отражалось красной извилистой линией на топографической карте.

– Насчет разведки не буду спорить, – миролюбиво заметил Гаврилов. – Но, согласитесь, майор, это лучше бумажной карты и компаса. Теперь переходим непосредственно к сути задания. В расчетное время вашей группе следует подобрать двух человек – сотрудников международной гуманитарной миссии «Врачи без преград», сербских граждан, и доставить их в нужный квадрат, где и эвакуированных иностранцев, и вас подберет российский вертолет без опознавательных знаков.

На экране компьютера возникла отсканированная страница из какого-то англоязычного журнала. Моложавые мужчина и женщина в медицинских халатах были сняты на фоне походного жилого трейлера. Из подписи следовало, что это сербские медики Милош и Даринка Йовановичи – брат и сестра.

– Связь с этими сербскими гражданами существует? – задал всего один вопрос Лавров, хотя вопросов было множество.

– С ними будет выходить на связь мой человек, прикомандированный к вашей группе. Более подробную информацию о миссии вы найдете в документах, – генерал постучал ногтем по папкам с бумагами. – Сейчас Йовановичи находятся в столице Пакистана – Исламабаде, затем их миссия выдвигается ближе к афганской границе. Конечный пункт – небольшой городок Карабад. Оттуда они уже самостоятельно перейдут границу.

– Могу я знать, чем на самом деле занимаются эти сербы и почему мы должны переправить их в Россию?

Гаврилов пристально посмотрел на Лаврова.

– Резонный вопрос. И я понимаю, что это не праздное любопытство. От моего честного ответа многое может измениться в ходе проведения операции. Пока же могу вам сказать только, что нам жизненно необходимо переправить их в Россию. Так что собирайте группу, майор. Вылет послезавтра. Форма будет натовская, без знаков различия. Одно из главных условий – не светиться, избегать контактов с местным населением. В крайнем случае, делать вид, что вы принадлежите к силам коалиции, представляете какую-нибудь славянскую страну: Польшу или Чехию.

2

Транспортник Министерства по чрезвычайным ситуациям РФ шел точно в выделенном ему диспетчерами воздушном коридоре. Те, от кого зависело разрешение, особо и не задумывались, почему именно в этот день МЧС России решило отправить груз гуманитарной помощи в Сомали. А ведь ответ был прост, если только знать подоплеку, – коридор проходил точно над плато в афганских горах неподалеку от границы с Пакистаном.

Солнце клонилось к западу. Батяня решил, а Гаврилов одобрил, что лучшее время для десантирования – наступление сумерек. Даже если кто-то и заметит купола парашютов, у десантников будет время по темноте на квадроциклах покинуть место высадки.

Гудели двигатели. Нутро транспортника было плотно заставлено ящиками, картонными коробками, поддонами с мешками с мукой. Самый обычный гуманитарный груз, отправляемый в страну, где идет гражданская война. Ближе к аппарели стоял еще один объемный деревянный контейнер в противоударном исполнении, стянутый капроновыми ремнями. На нем не виднелось никаких надписей, никаких маркировок, он не числился в списке перевозимого по воздуху груза. Оно и правильно, именно этому контейнеру не было суждено долететь до Сомали. Квадроциклы – роскошь. Зачем отправлять их сомалийцам, если они и российским десантникам пригодятся в Афганистане? Тем более нет смысла отправлять в воюющую страну взрывчатку и оружие.

Майор Лавров и его бойцы коротали время в полете, лежа на мешках с мукой. Группу себе Батяня подобрал быстро. Первой кандидатурой стал капитан Валерий Столяров. Этого молодого офицера Лавров заприметил, лишь только тот появился в части, настоял, чтобы его поставили ротным в его батальоне, и не прогадал. Все Столярову давалось легко. Бывают такие люди – за пять минут сделают то, на что у другого уйдет два часа. Еще четырех десантников – старлея, двух прапорщиков и старшину – он присмотрел себе раньше, чем получил задание от генерала Гаврилова. Лавров всегда был готов действовать с ходу, а для этого следовало загодя создать «скамейку» запасных. Единственной «темной лошадкой» в группе для комбата оставался ставленник Гаврилова – связист и штурман в одном лице. Лейтенант Прохоров совсем не походил на десантника, скорее напоминал «ботаника». Нет, очки он не носил, хилой комплекцией не страдал, стрелял на «отлично», но изъяснялся подчеркнуто литературным русским языком, избегая крепких слов и выражений, иногда вкручивал мудреные английские слова из лексикона профессиональных компьютерщиков и программистов. Эти слова даже Батяня не всегда сразу понимал; его заморский лексикон все же был ближе к англо-русскому разговорнику, изданному Министерством обороны во времена СССР.

Капитан Столяров, лежа на животе, сгреб карты и принялся их тасовать. Играли в «тысячу» на четверых. Лейтенант Прохоров демонстративно не следил за игрой поволжских десантников; он сидел, сложив ноги по-турецки, на коленях держал ноутбук, на голове его виднелась пара наушников. Что он делал, Лавров так и не мог понять. То ли изучал карты афганско-пакистанского пограничья в мультяшном формате, то ли смотрел закачанный в компьютер фильм, а может, и музыку слушал. Экран был обращен к комбату тыльной стороной, а лицо лейтенанта не проявляло никаких эмоций. В конце концов, пока он имел полное право распоряжаться своим временем. При этом Андрей Лавров мысленно отметил полезную черту в характере лейтенанта Прохорова – запасливость. Тот предусмотрительно подключил блок питания к бортовой розетке, а значит, десантироваться собирался с заряженными до предела аккумуляторами. В запасе у него, конечно же, имелась и солнечная батарея, и даже ручная динамо-машинка для подзарядки, но правил десантуры лейтенант придерживался свято. Если есть возможность, рожок автомата должен быть полным, НЗ – нетронутым, а фляжка залита водой под самую пробку. Кто знает, что тебя ждет за очередным поворотом судьбы.

Батяня записал карандашом на разлинеенной глянцевой картонке результат очередной партии в «тысячу». Получалось, что до «бочки» капитану Столярову оставалось совсем ничего, каких-то тридцать очков, которые он мог легко добрать на взятках, не споря за прикуп. Капитан подышал на колоду, суеверно потер ее о грудь и принялся сдавать. Сдавал одной рукой, странным, каким-то только ему известным способом – не по порядку, а перекрестно. В прикуп сбрасывал нерегулярно.

– Валера, – предостерег его Лавров, – ты на шулера похож.

– Следите за руками, товарищ майор. Только ловкость и никакого мошенничества. По правилам раздачи первая карта должна вам лечь, последняя мне, три карты на прикуп и у остальных – поровну, а все оставшееся – ничем не регламентируемые «танцы». Какая разница, стреляешь навскидку, через плечо или из-под колена? Главное – в цель попасть!

– Смотри, не ошибись!

Ошибки не случилось – последняя карта легла капитану. Он поднял веер, принялся переставлять в нем карты. Прапорщик, сидевший напротив, присматривался к его движениям.

– Зря, Василий, глаза таращишь и про себя подсчитываешь, сколько у него какой масти. Это он только вид делает, будто карты по мастям расставляет, на самом деле – нас с тобой наколоть старается. Картежник с таким умением, как у него, никогда ни по мастям, ни по достоинству картинки не расставляет. Он и с закрытыми глазами играть может, все колода у него в голове до последней карты. С капитаном на деньги никогда не садись играть – обует.

И тут лейтенант Прохоров снял с головы наушники, опустил крышку ноутбука.

– Господа офицеры, – произнес он, – подлетаем к заданному квадрату.

– Спасибо за напоминание, господин лейтенант, – произнес Лавров. – Хотя вообще-то мы все товарищи. И ничего плохого в этом слове я не нахожу. Из-под огня на поле боя все-таки товарищей выносят, а не господ... Ладно, сворачиваем игру, готовимся к высадке.

Капитан Столяров протяжно вздохнул:

– Эх, а мне такая карта привалила... Предлагаю разобрать всем свои карты по карманам. Потом как-нибудь доиграем.

– Принято, у меня тоже карта нехреновая подобралась, – согласился Лавров, складывая веер и засовывая его в карман.

Капитан потянулся за прикупом.

– Э нет, так не пойдет, – возмутился прапорщик. – Прикуп и картонку с записями пусть лейтенант возьмет, как лицо в картах не заинтересованное. Ты, Прохоров, не против?

Лейтенант кивнул, принимая три карты прикупа и разграфленную картонку.

Транспортник сбросил высоту. За открытой аппарелью расстился уже знакомый по 3D-версии пейзаж: горные хребты, каменистое плато между ними. Заходящее солнце отбрасывало длинные и резко очерченные тени. Пропась с северной стороны вообще была непроницаемо черной и от этого казалась залитой расплавленным битумом.

– Афган, – проговорил Батяня, окидывая взглядом безлюдный пейзаж. – Никак мы с тобой не расстанемся...

Крепления отстегнули, подтолкнули контейнер, и он, проскользнув по рольгангу, на несколько секунд исчез из вида. Затем хлопнуло, и внизу закачались купола грузового парашюта. Лейтенант Прохоров еще раз проверил, надежно ли закрепил на груди ноутбук, подтянул ремень автомата...

Батяня, как и положено командиру группы, десантировался последним. Десантники все были опытные, ветер несильный, а потому, по расчетам майора, все без проблем должны были встретиться внизу. До наступления темноты оставалось не так уж и много времени.

Купол парашюта раскрылся над головой, Лавров проводил взглядом набиравший высоту транспортник и потянул стропы, уводя парашют от пропасти, к которой его сгонял ветер. Все десантники спустились примерно на одной высоте, каждый видел другого. Грузовой контейнер

опустился ближе к горному хребту, подняв клубы пыли; купола грузовых парашютов надувал ветер, но хлопнул пиропатрон и отстрелил их.

«Порядок, все идет в штатном режиме. Вот только Прохоров не так уж хорошо со стропами управляется, подучиться бы ему...» – успел отметить Батяня.

И тут из скал среди горных отрогов прочитались вспышки, коротко отозвался автомат, вновь полыхнули выстрелы. А затем ударил пулемет. Кто укрылся среди скал, увидеть было невозможно, стреляли из тени. Первой мыслью было, что их обстреливают силы коалиции. Но комбат тут же отбросил ее. Силы НАТО действовали бы по-другому – вызвали бы «вертушки», а наблюдатели себя ничем не проявили бы. Из всех возможных вариантов оставались лишь талибы. Лавров принялся высвобождать автомат, пришлось выпустить стропы из рук. Майора стало раскачивать, неуправляемый парашют был предоставлен самому себе. Батяня дал короткую очередь в темноту между скалами. Оттуда незамедлительно огрызнулись пулемет и пара автоматов. Трассеры четко давали понять направление выстрелов – они веерами шли к Лаврову. Запрокинув голову, Андрей выматерился – в куполе парашюта зияли пробоины, того и гляди, туго натянутая материя могла разорваться. Самого майора спасло лишь то, что из-за сильного раскачивания в него невозможно было прицелиться.

– Попали в передрыгу! Вот тебе и 3D-версия...

Стреляли уже и другие десантники. Но условия боя для обеих сторон были явно неравны. Десантники висели в небе, открытые любому стрелку; противника же надежно прикрывали скалы и тень. Лавров накинуд автомат на шею и потянул стропы. Надеялся, что все поймут его предложение – уходить и приземляться подальше от скал.

– Да куда же ты прешь, черт побори! – крикнул Лавров, заведя, как остервенело дергающий стропы Прохоров, наоборот, идет прямо на горный хребет.

Грохотал пулемет, трассеры исчерчивали вечернее небо. Лейтенант наконец справился с управлением. Купол его парашюта поплыл прочь от хребта. Прапорщик и старшина уже были на земле, гасили парашюты.

Лавров скрежетнул зубами. Лейтенант был все еще слишком близко от скал, спускался слишком медленно. Надо было срочно его спасать. Майор принялся стрелять по укрывшемуся на затененном склоне горы противнику, стремясь оттянуть огонь на себя, дать лейтенанту шанс уйти на большее расстояние. Поначалу сработало: пулеметчик сменил цель. Еще несколько дырок появились в куполе парашюта Лаврова, затрещала раздираемая напором воздуха материя, разрыв уперся в шов и остановился. Теперь приходилось лихорадочно подтягивать стропы, чтобы хоть немного компенсировать реактивную силу врывающегося в щель воздушного потока. Парашют завертело. О том, чтобы при этом еще и стрелять, уже не могло быть и речи.

Скорость падения стремительно нарастала. Перед глазами мелькали то горный склон, то небо, то шелк продырявленного купола. Подошвы берцов ударились в каменистую почву. Лаврова завертело, потащило по земле. О том, чтобы попытаться встать на ноги, не стоило и мечтать. Торчавшая кривым клыком из красноватой пыли скала стремительно приближалась. Андрей выхватил стропорез, чуть не выпустив его из руки, когда локоть ударился о камень, но все же в последний момент успел-таки перерезать стропы. Изувеченный купол взмыл в вечернее небо, а потом сдулся, скукожился и уже «неживым» спланировал на камни. Лавров, не веря, что остался не только жив, но и невредим, поднял голову.

В воздухе «висел» только лейтенант Прохоров. Даже без приказа комбата другие десантники сориентировались, что нужно делать. Они короткими очередями обстреливали затененный горный склон, заставляя противника вжиматься в землю.

– Ну давай же, давай... – шептал Батяня, вдавливая спусковой крючок.

Он не надеялся кого-нибудь застрелить, единственной целью было дать возможность приземлиться лейтенанту. И вот, когда казалось, что самое страшное позади, еще раз грохотнул пулемет.

Лавров сжал зубы. У него на глазах разлетелся осколками ноутбук, укрепленный на груди Прохорова. Руки лейтенанта соскользнули со строп, а сам он безвольно обвис в лямках с опущенной головой. На развороченной груди стремительно ширилось кровавое пятно.

Неуправляемый парашют опускался к земле. Купол колыхнулся, под порывом ветра ушел в сторону. Тело потащило к пропасти, нещадно ударяя о камни, за лейтенантом потянулся шлейф пыли. Множество раненых и убитых доводилось повидать Лаврову, а потому у него не оставалось и тени сомнений – Прохоров мертв. Купол еще раз поднялся, тело перевалилось через каменистый край и исчезло в темном провале.

Лавров на секунду стянул с головы берет, мысленно помянул добрым словом почти незнакомого ему Прохорова, с которым и успел-то всего обменяться парой фраз. Теперь командиру группы следовало подумать о живых.

Андрей осмотрелся. То, что являлось преимуществом при высадке, за несколько минут превратилось в почти неразрешимую проблему. На плато удобно десантироваться, но держать на нем оборону, когда противник надежно закрепился на горном склоне и ведет обстрел с высоты, – это форменное самоубийство. Оттянуть развязку может лишь количество боеприпасов и хорошая боевая подготовка.

Капитан Столяров оказался ближе всех к Батяне – укрылся за невысоким каменным гребнем. Прапорщики вместе со старшиной делили укрытие на троих, залегли за каменной осыпью и срочно выкладывали из более-менее ровных глыб защитную стенку с амбразурами. А вот старлею Митягину попалась совсем незавидная позиция, он вжимался в неглубокую вертикальную расщелину.

Стрельба на время прекратилась. Противник явно был озадачен появлением десанта в этом богом и людьми забытом уголке. Столяров знаками показывал Лаврову, что готов перебраться к нему. Майор отрицательно мотнул головой. Мол, твоя позиция лучше, и будет правильно, если я к тебе. Лавров подобрался, распрямился, как туго сжатая пружина, и бросился вперед. Незамедлительно со склона отозвался пулемет. Фонтанчики пыли чертили пунктир к бегущему Батяне. Лавров резко свернул, привычно разминувшись со смертью. Еще пара зигзагов, и он уже сидел за каменным гребнем рядом с капитаном.

– Часто дышишь, майор, – чуть заметно улыбнулся Столяров. – Курить пора бросить.

– После сорока лет бросать уже бесполезно. Мне так знакомый врач говорил, – молвил Лавров.

– Почему?

– Сказал, что это лишний стресс для организма.

– А это не стресс? И уж точно лишний, – капитан указал рукой на горный хребет.

– Это объективно существующая реальность, данная нам в ощущениях, – пробурчал Лавров.

– Ты, майор, хоть сам понял, чего сказал?

– Нас на курсе философии этому учили.

– Теперь философствуй, не философствуй – один хрен. Задница полная. Не нравится мне, что душманы притихли. Может, подмоги ждут, чтоб уж наверняка?

Старлей Митягин попробовал выглянуть из своей расщелины, но тут же ему пришлось ретироваться. Автоматная очередь врезалась в выветренный камень.

– А они уже и сектора обстрела поделили, грамотно действуют, – с досадой проговорил майор.

– Если каждый день воюешь, то и станешь действовать грамотно, даже если читать не умеешь, – отозвался капитан. – Лейтенанта жаль. Глупо все с ним случилось. До обидного глупо. До земли всего только метров двадцать и оставалось.

– Смерть всегда глупая, – пробурчал комбат. – Ему мы уже ничем не поможем. Сколько их там, не сосчитал еще?

– Десять стволов у них – это точно, вместе с пулеметом. Ну а тех, кто себя еще не проявил, считать по ходу придется. Что делать-то думаешь, майор? – Капитан осторожно выглянул и тут же нырнул назад.

– Одна надежда на темноту. Да и то чисто теоретическая. Хоть один прибор ночного видения у них да отыщется. Хреново это.

– Когда совсем стемнеет, можем рискнуть подобраться к нашему контейнеру. Транспорт-то в нем. На квадроциклах и уйдем.

Лавров, задрав голову, посмотрел в темнеющее небо, в котором уже зажигались первые звезды. Комбат пытался отыграть в мыслях ситуацию назад, но получалось, что ошибки он не допустил, выбранный вариант десантирования был самым безопасным. А неудача – всего лишь случайное совпадение. Просто судьба завела в эти безлюдные места отряд талибов, которым, как снег на голову, с неба свалились российские десантники.

Лавров включил рацию, связался со своими бойцами. Никто не был ранен, все ждали его приказа, который оказался краток:

– Дожидаемся темноты, экономим боеприпасы.

Отыскав расщелину между камнями, Лавров взобрался повыше и с биноклем-тепловизором в руках принялся наблюдать за противником. Непростительно было бы проморгать коварный маневр. Окажись на месте врага он сам, то сделал бы вид, что уводит людей за гору, а потом бы обошел противника с тыла. Но противостоял Лаврову более прямолинейный командир: талибы по-прежнему угадывались на своих позициях, чего-то выжидали.

– Ну что там? – наконец нетерпеливо спросил капитан.

– Выжидают, как и мы.

– Так можно и до конца света ждать. Время-то тикает.

– Оно и для нас, и для них тикает. Посмотрим, у кого нервы крепче, – резонно заметил майор и тут же напрягся, прижал окуляры к глазницам.

На перевале показались зеленоватые силуэты. Поскольку до них было далеко, то с уверенностью можно было говорить лишь о том, что их трое. Майор напряженно ждал. Силуэты – два повыше, третий пониже – неторопливо направлялись к позициям талибов.

– Кажется, понял, – разъяснил капитану свою догадку комбат. – Двое и ишак.

– Ишак в прямом смысле? – попытался пошутить капитан Столяров.

– В самом прямом. На четырех ногах с копытами. Идеальный транспорт для горных троп.

– Дедушка Мороз нам подарки принес? – напряженно предположил капитан.

– Боюсь, что так.

Лавров поднес рацию к губам и оповестил десантников об изменении обстановки. По команде майора прапорщики начали обстрел. Линии трассеров засверкали вдоль склона горы.

– Старшина, сможешь нам помочь? – спросил майор.

– Постараюсь, – спокойно ответил тот.

В группе старшина был снайпером. Он приложился к своей винтовке, плавно нажал на спусковой курок.

– Молодец! Один, кажется, готов, – проговорил майор, заметив, что один силуэт сорвался с тропы, прокатился по склону и замер на месте. Два других исчезли из виду, скрывшись за скалами.

– Ишака подстрелили? – поинтересовался капитан.

– Нет, ишак на полном ходу, – отозвался Лавров.

– Далековато, товарищ майор, – оправдался старшина.

Удивительно, но талибы отстреливались лениво. Так поступает только тот, кто чувствует за собой силовое превосходство. Силуэты ишака и человека еще раз мелькнули между скал, но ни один выстрел десантников их не достал. Выстрелы смолкли.

Капитан с майором переглянулись.

– Мне кажется... – начал Столяров.

И тут со стороны гор что-то протяжно свистнуло.

– Теперь уже не кажется. Ложись! – крикнул майор, вжимаясь в каменистую землю.

Громыхнуло. Минометный снаряд разорвался за позициями десантников. Свистнуло еще раз, теперь уже взрыв прогремел ближе. Батяню и Столярова обдало песчаным дождем.

– Чертовы дети! Пристреливаются... Выкурить нас хотят, – прикрывая голову руками, сказал майор капитану, лежавшему поодаль от него, и крикнул в рацию: – Все живы?.. Ну хоть с этим хорошо.

– Я понял. Их наш контейнер заинтересовал. Они его захватить заточились, – высказал догадку капитан.

– Похоже на то, – пришлось согласиться майору. – А добыча им достанется неплохая. Квадроциклы, запас топлива, боеприпасы...

Решение пришло быстро. Лавров взял рацию и отдал приказ:

– Отходим к восточному ущелью.

Капитан недоуменно посмотрел на своего командира:

– Просто уйдем? И все?

– А ты не думал, что они наши разговоры могут прослушивать? Отходите все вы, отстреливаясь, чтобы обозначить движение группы. А я остаюсь. На время передаю командование группой тебе, капитан, со всеми вытекающими в случае чего, – Лавров отстегнул планшетку с картами и передал своему заместителю. – Если им нужен наш контейнер, то самое безопасное место возле него.

– Все понял, майор, – произнес капитан, присел на корточки, сделал пару выстрелов в сторону склона и, пригнувшись, побежал в ночь.

Лавров некоторое время следил за тем, как удаляются вспышки выстрелов, как минометный обстрел следует за ними, а затем пополз вперед, к еле различимому в темноте контейнеру. Оказавшись возле него, привалился к доскам спиной, перевел дыхание, выглянул из-за угла. Картинка в тепловизоре свидетельствовала, что часть талибов уже спускается по склону, другая продолжает обстрел отступающих десантников.

– Грамотно, – похвалил противника Лавров. – Но и мы не лыком шиты.

Стропорезом он где перерезал, где перепилил матерчатые ленты, стягивающие контейнер; вогнал лезвие между досок и отвалил боковую стенку. Квадроциклы, переложенные плитами пенопласта, находились в полной готовности. Лавров, стараясь действовать тихо, выкатил два, сцепил их тросом. В багажные отсеки он торопливо составил канистры с топливом, ящики с взрывчаткой, провизию. Ясное дело, что прихватить удалось самую малость.

– Ну-ка, и где вы уже? – Лавров глянул в тепловизор.

Талибы уже спустились с горы – семь человек. Шли не прячась; ведь вспышки выстрелов виднелись у самого восточного ущелья, там, куда уже с трудом долетали мины. Лавров навалился на руль головного квадроцикла и, оскальзываясь на камешках, вручную покатил его прочь. Второй квадроцикл с трудом, но катился следом, увлекаемый натянутым тросом.

Пот заливал глаза, но майор не останавливался, упорно отталкивался рифлеными подошвами, словно не сам шел вперед, а вращал землю.

– Сейчас я вас везу, а потом вы меня и ребят возить будете, – обратился он к технике, как к живым существам. – Все, теперь хватит.

Лавров лег за камнем. Талибы были уже совсем близко; он даже слышал, как они переговариваются шепотом. Правда, ветер сносил их голоса и слов было не разобрать, однако в интонациях чувствовалась радость.

«Недолго вам осталось», – мстительно подумал майор, приподнимая автомат.

Кто-то из талибов засмеялся, похлопал ладонью по деревянной обшивке контейнера. Затем смех смолк, зазвучал настороженный шепот. Боевики напряженно всматривались в темноту.

– Ну что, теперь до вас дошло? – прошептал он, нажимая спусковую скобу подствольного гранатомета.

С хлопком граната ушла в сторону контейнера. От взрыва сдетонировала оставшаяся внутри взрывчатка. Ночь, как от вспышки молнии, на секунду окрасилась огненным сполохом. К небу взлетали пылающие обломки квадроциклов, обрывки халатов. Горел бензин, щелкали взрывающиеся патроны. Густое облако дыма и пыли поплыло над каменной землей.

Батяня вскочил в седло. Новенький двигатель завелся без проблем, с оборота. Квадроцикл набирал скорость, подпрыгивая на неровностях. Фару Лавров включать не рисковал, шел вперед практически на ощупь. Темноту разряжали лишь сполохи огня за спиной. Вслед ему стреляли с горного склона, но между целью и стрелками тянулось густое облако пыли. Пули уходили в «молоко». Наконец, поняв, что идущий прицепом квадроцикл вот-вот перевернется, Батяня сбросил скорость и рукавом промокнул лоб.

Радоваться особо было нечему. В первые же минуты после высадки в группе уже случилась потеря. Большая часть груза пришлось уничтожить. Главное условие, поставленное генералом Гавриловым, не соблюли с самого начала – засветились по полной программе, еще не коснувшись земли. Но, как любил говаривать сам Батяня, обучая премудростям стратегии и тактики молодых десантников: «Задуманное – всегда лучше исполнения. Это закон природы. Поэтому никого не вините в том, что самый лучший план остается только в голове и на бумаге. Главное в любом деле – результат. Вот тут уж скидок делать нельзя».

...Десантники, собравшиеся у входа в восточное ущелье, тревожно вслушивались в ночь. Выстрелы звучали все реже, время от времени ухал миномет. Ближе к склону горы ползло подсвеченное догорающим контейнером облако пыли и дыма.

Каждый боялся ошибиться как в ту, так и в другую сторону. Предположишь, что все обошлось хорошо – взглянуть можно, а сказать, что, возможно, плохо – язык не поворачивается.

Капитан Столяров поднял руку. Все затаили дыхание. В шуме ветра проклюнулся и исчез звук мотоциклетного двигателя. Напряжение нарастало. Затем звук прорезался уже уверенно и ровно. На губах Столярова появилась улыбка. Впереди на мгновение вспыхнула и погасла фара.

Квадроцикл завернул за скалу. Лавров лихо тормознул. Вторая машина, идущая на буксире, несильно ударила в задний бампер.

– Я же говорил, товарищ майор, что все получится, – капитан Столяров вернул командиру планшетку с картами. – А знаете, почему?

Лавров пожал плечами:

– Повезло, наверное.

– А почему повезло? Потому что мы еще партию в «тысячу» не доиграли. А это верная примета.

– Отставить предрассудки, – незлобно отозвался комбат. – Уходим.

...После часового марш-броска Батяня отдал приказ остановиться. Десантники собрались возле большого плоского камня, похожего на круглый стол. В свете фары квадроцикла Лавров выложил на камень топографические карты и придавил их сверху компасом.

– Итак, господа офицеры, прапорщики и старшины, – произнес он.

Странно, но слово «господа» теперь прозвучало из его уст абсолютно естественно и не натянуто, а как дань уважения к погибшему лейтенанту Прохорову. И каждый из десантников понял, что хотел этим выразить командир.

– Подведем промежуточные итоги. Первое: погиб наш товарищ. Второе: мы остались без зарядных батарей, а значит, без средств связи и навигации. Третье: лишились большей части транспорта и груза. Четвертое: мы засветились. На этом плохие новости заканчиваются. Из хороших новостей только одна – группа готова продолжить выполнение задания. Заданный квадрат и время встречи с объектами нам известны, как и то, откуда и когда нас заберет вертолет. Следовательно, нам нужно просто уложиться в график, что в сложившихся обстоятельствах сложно, но выполнимо. Маршрут проложим с помощью карты и компаса. Условия продвижения прежние: обходить населенные пункты и зоны боестолкновений с силами коалиции. А теперь – отдых. На посты первыми заступаем мы с капитаном Столяровым. Выдвигаемся на рассвете.

3

Столица Пакистана Исламабад – город молодой, самым старым зданиям в нем не больше сорока лет. Поэтому здесь не увидишь типичных для Востока глинобитных домов, кривых улочек. Город построен профессиональными архитекторами по четкому плану. Но это не значит, что здесь нет разительных контрастов.

Не только центр столицы, где расположено большинство правительственных зданий, выделяется богатством и роскошью. Иностранцы, особенно из западных стран, не рискуют свободно разгуливать по улицам. В Пакистане достаточно религиозных фанатиков, и можно нарваться на неприятности. Ситуация, знакомая жителям многих столиц мира. Так, в Москве молодому мажору не стоит соваться на заводские окраины. В Риге или Таллине лучше не разгуливать в майке с надписью «СССР», а в Иерусалиме – появляться, украшенным нацистской символикой. Пакистанские власти нашли выход для западных специалистов, которых там работает немало, – на западной окраине столицы возвели и огородили комфортабельный район-гетто. Вроде бы он и часть города, но в то же время не каждый местный туда попадет. Любой европеец спокойно пройдет, проедет в него; а вот пакистанца обязательно остановит вежливый полицейский и поинтересуется, с какой целью он туда направляется. Если он не работает в этом районе, если его не пригласили в одну из западных миссий, то дальнейший путь ему будет закрыт. Не помогут и ссылки на то, что конституцией гражданам гарантирована свобода передвижения. На Востоке и на Западе по-разному понимают и реализуют демократию.

Обычно европейцы стараются не покидать пределы этого комфортабельного гетто на окраине пакистанской столицы. Ведь здесь находится не только жилье, но и офисы, представительства компаний. Однако есть специалисты, профессия которых не позволяет сидеть на одном месте.

Хоть пакистанский головной офис международной миссии «Врачи без преград» и находится в том самом гетто, но большинство его сотрудников бывает там лишь наездами, чтобы пополнить запасы медикаментов, продовольствия, немного отдохнуть – и вновь отправиться в удаленные районы страны, где началась очередная эпидемия или пандемия.

Перед фасадом довольно скромного пятиэтажного здания из стекла и бетона растянута на стоянке колонна машин. Несколько тентованных грузовиков, пяток внедорожников с жилыми трейлерами, несколько микроавтобусов. На всем транспорте виднелась эмблема международной миссии «Врачи без преград». Народ здесь подобрался пестрый – медики практически со всего мира. Кого-то привело в Пакистан искреннее желание искоренить опасные болезни в здешних краях, выходцев из небогатых стран – стремление заработать; кто-то просто хотел увидеть мир таким, какой он есть, а не из окна туристического автобуса. Возможно, кто-то из миссии имел и другие планы, в которые не стремился посвящать коллег. Ведь тому, кто не в ладах с законом, лучшего места, чтобы спрятаться, не придумаешь. Всякие тут были люди. Однако никакие личные планы не освобождали их от работы по специальности...

Из распахнутого окна первого этажа торчала выдвижная секция транспортера. На резиновой ленте медленно выплывали картонные коробки с медикаментами. Даринка Йованович тщательно проверяла маркировку, дату выпуска вакцины и только после этого кивала своему брату. Милош бережно брал очередную коробку и заносил ее в поблескивающий полированным алюминием трейлер. Брат и сестра были единственными сербами в группе, а потому, когда рядом с ними оказывался кто-нибудь из коллег, ради приличия тут же переходили на международный язык – английский. Последней на ленте выплыла коробка с одноразовыми шприцами.

– У нас все! – крикнула в открытое окно Даринка.

Милош отогнал загруженный вакциной жилой трейлер, и к окну на погрузку подъехала следующая машина.

Руководитель миссии, которой предстояло отправиться в провинцию, – долговязый ирландец с копной огненно-рыжих волос, – подозвал к себе Даринку.

– Слушаю вас, мистер Ирвинг.

– Даринка, – ирландец по-братски приобнял врача-вакцинатора за плечи. – Я понимаю, вы из такой страны, где еще не забыли, что такое настоящая опасность и война, но я бы попросил вас быть поосторожнее. Не каждый выход в город можно считать безопасным. А вы позволяете себе одной отправляться в центр и возвращаетесь за полночь. Я волнуюсь за вас.

– В следующий раз постараюсь быть осторожнее, – пообещала сербка.

– Если вам мало развлечений, я готов пригласить вас в клуб. Тут, кстати, в представительстве одной из наших компаний есть неплохой закрытый паб, и подают в нем настоящее темное ирландское пиво и запеченные свиные ножки. Приятель организовал мне туда пропуск.

– Спасибо за приглашение, но у меня на родине предпочитают белое вино с рыбой, – улыбнулась Даринка.

Мистер Ирвинг погрозил ей пальцем:

– Только не вздумайте выходить одна на прогулки в том захолустье, куда мы сегодня направляемся. Женщину, даже если она врач, но появилась на улице с непокрытой головой, ревностные мусульманки могут запросто забросать камнями. Это, кстати, их святая обязанность.

– Вы же сказали, что с нами на этот раз отправляется охрана, предоставленная правительством Пакистана, – приподняла брови Даринка.

– Обещания, как всегда, оказались преувеличенными. Всего один наряд полиции. Два жирных самодовольных типа, привыкших брать взятки у сограждан. Они даже мне намекнули, что неплохо бы было их «отблагодарить». И пара молодых парней из частного охранного агентства. Так что не сильно на них рассчитывайте. И не провоцируйте местных своим поведением, здесь вам не Европа.

– Постараюсь, мистер Ирвинг, – пообещала Даринка, принимая у руководителя миссии сертификаты и сопроводительные документы на партию вакцины.

Вскоре колонна миссии «Врачи без преград» уже выезжала из города. Во главе следовала потрепанная полицейская машина. Автомобиль заметно проседал на передние колеса – два жирных полицейских вместе наверняка весили больше пары центнеров. За стеклами проплыли последние оазисы зелени. Запыленные кроны деревьев возвышались над глухими кирпичными оградами особняков.

Над разогретым асфальтом колыхалась дымка, солнце поднималось все выше и выше, не помогая и включенный в кабине старого «Лендровера» кондиционер. Мотор работал с напряжением. Внедорожник тянул за собой поблескивающий полированным алюминием жилой трейлер.

Даринка смотрела на безрадостный, испепеленный жарким солнцем пейзаж. Милош вел машину.

– Ты в Интернет сегодня заходил? – спросила она у брата.

– Да, но там пусто.

– Странно. Неужели что-то случилось?

– Будь оптимисткой. Интернет – только один из каналов получения информации.

– Ирвинг недоволен моими походами в город.

– Тебе в самом деле следует быть осторожней.

Из машин, обгоняющих колонну гуманитарной медицинской миссии, любопытные пакистанцы беззастенчиво пялились на европейцев, а дети, располагавшиеся на задних сиденьях, даже нередко рисковали показать им тайком от родителей интернациональный непристойный жест или высовывали языки.

– Вот и делай людям добро, – усмехнулся Милош. – А они потом тебе «факи» показывают.

– Не мне, а тебе показывают. Радоваться надо, что и мусульмане понемногу перенимают наш западный образ жизни, – грустно улыбнулась краешком губ Даринка. – Иногда мне кажется, что они все нас подозревают.

– В чем?

– А то сам не знаешь? Есть за что подозревать, – нервно рассмеялась молодая женщина.

Впереди, чуть в стороне от дороги, в мареве разогретого воздуха прорисовывались высокие трубы и белые бетонные купола какого-то суперсовременного промышленного строения. Они словно вырастали из-за горизонта. Никаких указателей на повороте к комплексу не было, зато дорогу перегораживал шлагбаум, возле которого прохаживался вооруженный автоматом рослый охранник. Он подозрительно глянул на колонну иностранцев, напрягся, но, разглядев полицейскую машину сопровождения и эмблему международной медицинской миссии, посветлел взглядом. У «Врачей без преград» была неплохая репутация.

Вдоль дороги со стороны промышленного комплекса подступала сетчатая ограда. Даринка пристально глядела на нее, словно считала столбы взглядом. Когда сетка отступила от дорожного полотна и ушла в полупустыню, Даринка посмотрела на брата.

– Ближе уже не подберешься, – произнесла она тихо, словно опасалась, что их кто-то услышит. – Роза ветров направлена именно в эту сторону.

Милош согласно кивнул и несколько раз коротко нажал на тормоз.

Старый «Лендровер» пару раз дернулся, фыркнул мотором, а затем заглох и остановился. Естественно, остановилась и вся колонна. Милош выбрался из-за руля, поднял капот, принялся возиться с мотором.

Толстый полицейский с недовольным видом подошел к машине. Возле нее уже стояли Даринка с руководителем миссии мистером Ирвингом.

– Какие проблемы? – поинтересовался офицер, лениво щурясь на солнце.

Ему хотелось поскорее вернуться с солнцепека в машину сопровождения, подставить вспотевшее лицо прохладным струям воздуха, льющимся из кондиционера.

– Ремень генератора порвался, – продемонстрировал рваный зубчатый ремень Милош.

– Придется вызывать техпомощь, – резюмировал полицейский и уже потянулся к рации.

Но серб остановил его.

– Не стоит. Пока они приедут, я уже и сам управлюсь. Зачем нам платить лишние деньги?

– Вот именно, – встала Даринка. – У нас есть запасной ремень. Мы, славяне, народ предусмотрительный.

Мистер Ирвиг глянул на Милоша, который уже раскладывал чемоданчик с гаечными ключами.

– Справишься?

– Где-то час у меня на это уйдет. Чтобы поставить новый ремень, придется снимать генератор. Вот уж эти конструкторы – словно специально машины делают так, чтобы сам водитель не мог отремонтировать, а обязательно обращался в сервисный центр, – Милош вытер вспотевший лоб и принялся откручивать гайку.

Согласно инструкции, вся колонна в полном составе должна была прибыть на место – в небольшой поселок, где уже были зафиксированы два случая заболевания холерой. Следовательно, и другие медики, и полиция обязаны были ждать, пока Милош починит свою машину. Но торчать посреди шоссе на самом солнцепеке никому не хотелось.

Полицейский некоторое время смотрел на то, как серб, постукивая молотком по ключу, отворачивает заржавевшую гайку, и взглянул на мистера Ирвинга. Тот развел руками: мол, что поделаешь, всякое в жизни случается, будем ждать. Места здесь не безопасные.

– Зачем вам из-за нас мучиться? – предложила Даринка. – Езжайте без нас. А мы помением ремень и догоним вас. Дорогу-то мы знаем.

– Не положено, – вздохнул полицейский. – В провинции фундаменталисты активизировались. На востоке страны даже разгромили представительство американской автомобильной фирмы. Вот разве что мистер Ирвинг разрешит, – и он с надеждой посмотрел на ирландца.

Тот колебался, но недолго. В конце концов, брат и сестра и в Исламабаде не слишком-то боялись местных религиозных фанатиков и грабителей. А тут место достаточно оживленное; если что-то случится, проезжающие не дадут иностранных медиков в обиду.

– Мы можем и подождать, – не слишком уверенно произнес Ирвинг.

– Езжайте без нас, – замахала руками Даринка. – Мы же не дети, у меня и газовый баллончик есть. Ничего с нами не случится.

Колонна миссии «Врачи без преград» двинулась по шоссе, на обочине остался желтый «Лендровер» с поднятым капотом.

Даринка засмеялась.

– Ты совсем обнаглел, братец Милош. Никто из них даже не удосужился глянуть под капот, а то увидел бы, что ремень в целости и сохранности.

– Главное, что у нас есть час времени, – Милош быстро закрутил гайки. – Побудь у машины, – он подхватил грязные промасленные тряпки, пару скомканных газет, бросил их в ведро и зашагал прочь от дороги.

Вскоре проезжающие могли видеть вполне привычную для здешних мест картину: водитель «Лендровера», окончив ремонт, отошел с дороги, чтобы сжечь мусор. Милош сидел на корточках возле дымящихся тряпок с надветренной стороны и торопливо набирал детским совком образцы грунта в блестящий медицинский стерилизатор; затем, подставив стеклянную колбу ветру, дувшему со стороны загадочного, усиленно охраняемого промышленного объекта, взял и пробу воздуха.

Порывы ветра разносили остатки сгоревшей ветоши. Милош спешил к машине.

– Поехали, – торопила его Даринка. – Охранник на повороте с шлагбаумом уже рассматривал наш джип в бинокль.

– Но меня-то он не видел, я специально устроился в ложбинке.

Заурчал двигатель. «Лендровер», мигнув поворотником, выехал на шоссе.

4

Джип присоединился к колонне уже перед самым поселком, в котором были зафиксированы случаи заражения холерой. Встречали врачей настороженно. У низких глинобитных домов стояли исключительно мужчины, они исподлобья смотрели на проплывавшие по пыльной улице блестящие трейлеры и грузовики; женщины выглядывали в щелочки между ставнями. Дети вели себя более непосредственно. Забравшись на крыши своих жилищ, они махали руками и строили рожи.

Колонна выехала на центральную площадь селения. Десяток овец, мирно пощипывающих до этого травку, испуганно шарахнулись в боковую улочку.

– Ну вот мы и на месте, – проговорила Даринка.

Машины занимали свои места. Их выстраивали в кольцо так, чтобы трейлеры образовали внутренний дворик, в котором ставили палатки. На флагшток подняли флаг миссии.

Полицейские тем временем медленно катили на машине по улицам поселка и через громкоговоритель оповещали жителей, что всему населению необходимо пройти вакцинацию. Стоило автомобилю показаться в конце переулка, как тут же захлопывались ворота и двери, закрывались ставни. Малообразованные селяне явно не горели желанием испробовать на себе достижения западной цивилизации.

Полицейская машина вернулась к трейлерам. Жирный полицейский опустил стекло и подозвал к себе Ирвинга. Тот подошел вместе с Даринкой.

– Я сделал все, что мог, – доложил страж порядка. – Только эти неграмотные крестьяне вряд ли придут сами. Кто-то им уже успел внушить, что делать вакцинацию вредно. Был бы у меня десяток людей, я бы согнал всех силой. Сделали бы вы свою работу и уехали, а так...

– Насилие – не наш метод, – почесал висок рыжий ирландец. – Придется действовать по-другому. Офицер, объявите в поселке, что всем пришедшим на вакцинацию будут бесплатно выдаваться предметы гигиены, стиральный порошок, мука, макароны.

Сладкое слово «халява» срабатывает во все времена, во всех странах и во всех культурах. Вскоре население стало стекаться к автомобильному городку миссии. Мамаши в паранджах привели детишек. Отцы семейств держались в стороне. Некоторые пришли с тачками, ведь семьи были традиционно большими, а «халявные» продукты и стиральный порошок выдавались даже на грудных младенцев в том же количестве, что и на взрослых.

Даринка сидела в просторной палатке, приветливо улыбаясь входящим. В ее обязанности врача-вакцинатора входило обслуживать женщин и маленьких детей. За ширмой расположился Милош, к нему направлялись взрослые мужчины. Гора использованных шприцев росла.

Ирвинг вел учет; как оказалось, находились желающие пройти вакцинацию дважды и получить двойной подарок от миссии.

– Объясните им, что двойная доза опасна для жизни, – просил ирландец полицейского.

– Я уже объяснял, и не раз. Тут такая бедность, что за мешок муки они готовы дать укусить себя гремучей змеей.

Возле выхода из палатки стояли поддоны. Счастливые селяне грузили на тачки, взваливали на плечи мешки с мукой и сахаром, картонки с макаронами и стиральным порошком, не брезговали и туалетной бумагой. Особым спросом у детей пользовались презервативы. Они тут же разрывали упаковки, надували их и с радостными криками бегали по площади. Ну откуда им было знать об истинном предназначении этих «воздушных шариков»...

Даринка сделала очередную вакцинацию мальчику лет пяти и с удивлением посмотрела на вход. Почему-то никто не спешил зайти в палатку. Милош выглянул из-за ширмы:

– Там снаружи какой-то шум; кажется, назревает скандал. Может, продукты между собой не поделили? Только этого нам не хватало...

Даринка стянула латексные перчатки, бросила их в пакет для мусора и вышла под солнце.

Милош оказался прав: назревал скандал, только совсем не из-за продуктов. На краю площади стоял седобородый старик в чалме зеленого цвета, что в мусульманском мире может означать одно из двух: или ее обладатель является прямым потомком пророка Мухаммеда, или недавно совершил хадж в Мекку. В случае с этим стариком скорее всего – первое. А значит, он был непререкаемым религиозным авторитетом для соплеменников. Старик в длинном халате опирался на деревянный посох, его глаза сверкали фанатичным блеском. Он картинно вскидывал руку над головой, и его зычный голос разлетался над площадью. Односельчане обступили фанатика, слушали, пристыженно опускали головы. А он указывал на машины миссии и продолжал свою проповедь. Рядом со стариком стояла молодая стройная женщина в парандже и держала за руку мальчишку лет двенадцати. Судя по возрасту и близости, в которой находилась от «пророка», она годилась старику в дочери. Ее темные, как маслины, глаза испуганно и виновато смотрели на собравшихся людей.

– О чем он говорит? – поинтересовалась Даринка у полицейского.

Тот протяжно вздохнул:

– Говорит, что ваша миссия – порождение шайтана, вы присланы западными странами, чтобы травить мусульман. Что каждый, кому вы сделали инъекцию, не проживет и двух дней. Будто бы в предыдущем поселке, который вы посетили, уже все умерли. И даже некому погребать мертвецов, обглоданные человеческие кости таскают по обезлюдившим улицам шакалы и собаки... Он много еще чего говорит, но суть такова – вы не врачи, а подлые отравители. Даже мука ваша и макароны с минералкой – отравленные. Вот все и боятся.

– Надо что-то делать, – задумалась Даринка. – Вы поможете мне, станете моим переводчиком?

– Могу попытаться, но, боюсь, спорить с ним бесполезно. У него зеленая чалма, и мои офицерские погоны – ничто по сравнению с ней.

– И все же... – Даринка решительно двинулась к собравшейся толпе, пробралась к старику.

Тот гневно посмотрел на нее и смерил взглядом полицейского, тот сразу же «потух». Затем последовала гневная тирада. Старик явно призывал односельчан не верить всему, что может сказать Даринка. Но она все же сказала:

– Мы пришли помочь вам, приехали спасти вас и ваших детей. Я могу показать бумаги и разрешения, выданные вашим правительством...

Полицейский стал переводить, но старик простер руку, останавливая его, тот замолк. И тут молодая женщина в парандже крепче сжала руку сына и свободно заговорила на чистейшем английском:

– Меня зовут Мириам, я дочь этого уважаемого человека. Он хочет, чтобы для односельчан ваши слова переводила я, а не полицейский. Вы согласны?

Даринка и представитель власти опешили. Услышать из уст забитой провинциалки идеальный в литературном отношении английский было так же неожиданно и нереально, как обнаружить на берегу здешней речушки загорающих топлес мусульманок в стрингах, попивающих в компании своих бойфрендов пиво и джин-тоник.

Даринка почувствовала, как полицейский за ее спиной спешит покинуть толпу. Кое-где среди людей маячили головы сотрудников миссии, и это обстоятельство обнадеживало.

Пока Даринка выходила из ступора, Мириам тихо произнесла, обращаясь к ней одной:

– Я училась на Западе, окончила университет. Я не верю в то, что буду вам переводить... – Женщина осеклась, седобородый отец в чалме гневно посмотрел на нее.

Даринке второй раз пришлось выслушать историю о том, как коварные западные правительства решили извести мусульман отравленными инъекциями и продуктами. Но, переводя слова отца, Мириам умудрилась, вкрапывая короткие фразы, рассказать Даринке и историю

своей жизни. О том, как она вышла замуж за местного бизнесмена, как уехала с ним на Запад, окончила университет в Эдинбурге. Муж пару лет назад погиб в автокатастрофе. Согласно завещанию, Мириам повезла хоронить его на родину. А после похорон отец-фанатик просто не отпустил ее с сыном назад в Европу. На время Мириам пришлось приостановить рассказ – отец уже подозрительно стал прислушиваться к ее словам. Даринка приподняла ладонь. Вся толпа притихла. Часть селян смотрела на сербку с ненавистью, часть – с надеждой.

– Хорошо, я все поняла, – Даринка старалась, чтобы голос звучал мягко и ласково. – Мы уважаем ваши законы и традиции, чтим вашу веру. У мусульман и христиан один Бог. Кто-то, кто хочет поссорить нас, распустил нелепые слухи о нашей миссии. И я сейчас докажу вам, что этот уважаемый старик заблуждается.

Мириам перевела. Старик скептически ухмыльнулся в седую бороду. Мол, всякий преступник пытается выгородить себя, придумает оправдание, выкручивается. Даринка предложила вместе со стариком и другими уважаемыми людьми направиться в палатку, где делали вакцинацию. Уже прошедшие ее подтвердили, что ампулы врач доставала из этой самой коробки.

– Выберите сами ампулу и шприц, – предложила Даринка старику.

Потомок пророка понял, что попал в западню, но дороги назад у него не было. Он перебирал ампулы, звенел ими, глядел на свет. Наконец протянул Даринке.

– Скажешь всем, что ампулу выбрал твой отец, – обратилась сербка к Мириам, – и пусть другие старейшины подтвердят это людям.

Даринке удалось взять ситуацию под контроль; она устроила неплохой спектакль, а ведь до подобных действ охочи во всем мире. Телесериалы были недоступны жителям глухого селения, а потому они с удовольствием следили за разыгрывавшимся на их глазах реалити-шоу.

Сербка при всем честном народе вколола себе вакцину в руку, после чего проглотила пригоршню сахара-песка, съела ложку муки и запила это все минералкой из груза гуманитарки. А напоследок пообещала, что миссия задержится в поселке на несколько дней, чтобы все могли убедиться: ни она сама, ни кто-либо из селения не умрет.

Старик почувствовал, что упустил инициативу. Толпа в своем большинстве перешла на сторону медиков из миссии «Врачи без преград». Сербка решила добить обладателя зеленой чалмы. Не потому, что не любила религиозных фанатиков, а из чувства женской солидарности – рассказ Мириам поразил ее до глубины души.

– Кто не хочет проходить вакцинацию прямо сейчас, может этого не делать, – заявила Даринка. – Каждый все равно получит свою часть гуманитарной помощи. Завтра ждем вас снова.

Глаза Мириам блестели благодарностью, когда она перевела это. Толпа, забыв о потомке Мухаммеда, бросилась к поддонам. Вскоре крестьяне тараканами расползлись по своим домам, унося на себе мешки, картонки, стиральный порошок и упаковки с минералкой. А Мириам, схватив сына на руки, успела шепнуть Даринке:

– Дайте знать обо мне и моем сыне в британском посольстве. Пусть вытащат нас отсюда.

Старик остался стоять рядом со своей дочерью и внуком, с ненавистью глядя на трейлеры и флаг гуманитарной миссии. Вокруг них по площади бегали детишки с туго надутыми презервативами.

– Ты молодец, Даринка, – похвалил свою сотрудницу ирландец Ирвинг. – Я уж думал, что нам придется несладко. Приглашение в закрытый паб по возвращении в Исламабад остается в силе. За угощение плачу я, и это не обсуждается.

– Не откажусь, мистер Ирвинг, – согласилась Даринка.

– А пока мы все заслужили отдых до утра. Могу предложить вам с братом распить бутылочку виски в моем трейлере. Снять напряжение не помешает.

– И я это слышу от медика! – засмеялась Даринка. – Вы же знаете, что вакцина и алкоголь несовместимы. Мне нельзя пить три дня. Даже если у меня завтра просто поднимется температура или появится аллергическая сыпь, жители поселка сперва линчуют всех в нашей миссии, а потом начнут готовиться к массовым похоронам.

Наступили сумерки. В поселке слышался лай собак, блеяние овец. Местные жители старались не выходить на площадь, где расположились лагерем европейцы. Если кому и нужно было пересечь ее, то человек шел окружным путем, с опаской издали поглядывая на светящиеся окна жилых трейлеров, прислушиваясь к тархтению передвижной электростанции.

Ирвинг в одиночестве потягивал виски и тупо пялился в экран плеера, просматривая недавно присланные женой любительские съемки празднования дня рождения дочери. В больших наушниках на его голове звенел смех детей.

Окно трейлера Йовановичей светилось сразу тремя цветами – вместо занавески в нем использовался сербский флаг. Даринка сидела на узкой тахте, поставив рядом с собой компьютер.

– Роуминг есть, но хреновый, – говорила она, щелкая клавишами. – Сейчас все и узнаем.

– Мы играем с огнем, – в очередной раз предостерег сестру Милош. – Продолжать работу, когда находишься на грани провала, слишком рискованно. Ну почему ты отказалась от эвакуации, когда неделю тому назад «центр» предложил нам уходить из Исламабада?

– Я до конца не уверена, но, по-моему, за нами в столице установили слежку. Целый день я потратила, водя их за собой по городу. Если бы мы попытались бежать из столицы, нас бы уже схватили.

– Они тоже не уверены в своих догадках, потому и осторожничают. Только поэтому я согласился с тобой довести нашу миссию до конца. Теперь, когда у нас в руках последняя партия образцов, будет понятна динамика работ на объекте.

– Когда они убедились, что мы не дергаемся, не нервничаем, а спокойно отправляемся с очередной миссией, то и отцепились... Все, есть коннект! – радостно воскликнула Даринка, просматривая страничку какого-то форума.

Милош заглянул на экран через плечо сестры. Его лицо осветили синеватые сполохи монитора.

– Значит, нам уже не предлагают эвакуацию.

– Да, братик. Это уже не предложение, а приказ, который не обсуждается. А потому...

Даринка не успела договорить – за занавешенным окном трейлера раздался осторожный стук в стекло. Брат и сестра переглянулись.

– Они бы не стучали... – проговорила женщина.

– Как знать. Будь осторожна.

Даринка отодвинула занавеску. От стекла испуганно отпрянула молодая женщина. Теперь паранджи на ней не было. Рядом с ней стоял ее сын.

– Мириам? – удивилась сербка и быстро открыла дверь трейлера. – Заходи! Что случилось? Почему в такое время ты не дома и с ребенком?

– Закройте на замок, – сказала Мириам.

Даринка усадила ее сына на тахту, тот тут же заинтересовался компьютером.

– Не трогай, – предупредила сербка.

– Почему? – тут же спросил подросток. – Это компьютер. У нас такой в Шотландии был, я помню.

– У меня там работа на экране. Он не для игрушек, – строго предупредила сербка, и это подействовало.

– Надо спешить, – торопливо заговорила Мириам. – Вам всем угрожает опасность.

– Ты не преувеличиваешь? – прищурился Милош.

– Вы все должны немедленно уехать отсюда, иначе вас убьют.

Предложение казалось бессмысленным, но только на первый взгляд. В самом деле, сегодняшним вечером Даринке удалось склонить местных жителей на свою сторону, их задобрили подарки, «халява» светила и в ближайшие дни. Однако следующая фраза Мириам, казалось, все прояснила.

– Уезжайте, возвращайтесь в столицу прямо сейчас. И заберите нас с собой.

Даринка и Милош переглянулись и зашептались по-сербски.

– Ты понимаешь, что ей от нас надо? На что она нас подбивает? – избегая глядеть на Мириам, буднично произнесла Даринка.

– С точностью до ста процентов. Ей просто не терпится добраться до британского посольства в Исламабаде. Ты на ее месте поступила бы точно так же. Она нас провоцирует. Ей наша миссия до сиреновой звезды, себя и ребенка спасти хочет.

Мириам тревожно прислушивалась к разговору медиков, не понимая ни слова, а затем вцепилась Даринке в руку.

– Я не обманываю вас. Мой отец – религиозный фанатик. Он водит знакомство со страшными людьми, может внушить им все, что угодно. В окрестностях полно боевиков-повстанцев. Бунты на религиозной почве случаются здесь каждый год. Вы только послушайте, посмотрите: в поселке ни одного огонька, все ворота, двери и ставни закрыты. Почему? И мне отец сказал не высовываться на улицу, а сам ушел в горы.

Даринка и Милош приоткрыли окно трейлера. В утопающем в темноте поселке слышался только лай собак. Стало тревожно.

– Собаки лают, когда чувствуют чужих, – тихо произнес Милош.

– Дед догадывается, что мы хотим убежать, – сказал сын Мириам.

– Ты ему что-нибудь рассказывал? – склонилась к нему его мать.

– Нет. Он спросил, о чем я мечтаю. Я честно ему ответил, что мечтаю о Шотландии. И хочу там жить с мамой. Еще хочу, чтобы у меня был компьютер, такой, как у вас. Тогда дед очень рассердился.

– Вот видите, – взмолилась Мириам. – Мой отец очень недоверчивый и жестокий человек. Он готов уничтожить любого, кто встанет у него на пути.

Угроза показалась нешуточной. Сербь были в курсе местных реалий. В Пакистане, особенно в провинции, существовала масса исламских фундаменталистов, недовольных политической светских властей. Религиозные бунты случались часто. Жестокие и беспощадные. В первую очередь они были направлены против европейцев и местных сил правопорядка.

– Похоже на правду, – призналась Даринка.

– Уезжайте быстрее, поднимайте тревогу! – обеспокоенно заговорила Мириам. – Меня забросают камнями, если узнают, что я вас предупредила. Для нас нет обратной дороги, только с вами.

– Побудь с ней! – Милош выбежал из трейлера, постучал в дверь к мистеру Ирвингу. – Открой!

Ирвинг сидел перед мерцающим экраном и пьяновато кивал, наушники по-прежнему оставались на его голове. Любительская запись казалась ему бесконечной. Дети резвились на лужайке перед домом Ирвинга. Его дочка в белом платьице, с цветными ленточками в волосах была похожа на ангелочка, только крылышек не хватало.

Наконец-то руководитель миссии заметил краем глаза Милоша, заглядывающего в окно, и снял наушники.

– Открой!

– Сейчас, сейчас, – Ирвинг пошел открывать дверь трейлера.

Тем временем в поселке уже началось движение. Три открытых военных джипа тихо катили по улицам, спускаясь с горки с заглушенными двигателями. Когда до площади оставался всего квартал, машины замерли. Оборванцы в халатах продолжили путь уже пешком,

на ходу передергивая затворы автоматов. Тревожно лаяли собаки, почуявшие чужих, жители домов боялись даже подойти к окнам и выглянуть в щелочку между ставнями.

Прячась в тени домов, боевики подобрались поближе к машинам миссии. Неподалеку от прохода, оставленного между двумя трейлерами, за пластиковым столиком восседал грузный полицейский, читая газету в свете переносной лампочки. Страж закона потянулся к холодной запотевшей бутылке минералки; отвернув пробку, жадно припал к горлышку. Пил торопливо, мелкими глотками, высоко запрокинув голову. Тень возникла у него за спиной. В неверном свете переноски блеснул широкий клинок ножа. Лезвие глубоко рассекло горло полицейского – от уха до уха. Кровь брызнула на газету. Толстяк, даже не успев вскрикнуть, упал головой на стол. И тут вокруг стоявших кольцом машин миссии одно за другим начали вспыхивать, разрастаться пятна пламени, послышались гортанные команды. Пламя, описывая красочные параболы в ночном воздухе, полетели во внутренний дворик. Палатки, стоявшие внутри кольца из машин, занялись быстро. Брезент, охваченный огнем, хлопал на ветру. Люди выбегали из трейлеров и тут же попадали под автоматный огонь.

Милош, не успев добежать до своего трейлера, бросил растерявшегося Ирвинга на землю. Пули просвистели у них над головой.

– Теперь я вам поверил, – прошептал ирландец.

– И я поверил окончательно, – отозвался Милош, осторожно приподнимая голову.

В узком пространстве среди пылающих палаток металась медсестра, кричала женщина. Автоматы строчили длинными очередями. Огонь уже успел перекинуться на тентованные грузовики.

– За что? – выдохнул Ирвинг, видя, как падает раненная в грудь молоденькая медсестра-волонтер.

Девушка пыталась заползти под трейлер. Милош не успел остановить Ирвинга, тот рванулся ей помочь. Ударил короткая очередь, и долговязый ирландец рухнул на пыльную землю с простреленной головой. Вторая очередь прошла по ползшей медсестре, тело вздрогнуло и замерло.

– Милош! – услышал серб крик сестры.

Даринка вжалась в узкое пространство между машинами и махала рукой.

– Сейчас, сестричка! – Милош нырнул под трейлер и пополз.

И хоть видно ему было немного, но картина открывалась ужасная. Пламя освещало распростертые на земле окровавленные трупы. Мелькали ноги мечущихся в огне людей. По другую сторону виднелись запыленные ботинки и сандалии боевиков, полы халатов; сыпались, подскакивали на камнях отстрелянные гильзы.

Милош выбрался из-под бампера джипа. Даринка что было силы рвала вверх фиксатор прицепа-трейлера, тот хоть и поднялся наконец, но фаркоп заклинило.

– Давай я попробую, – отстранил сестру Милош.

Даринка бросилась в трейлер, там, забившись в угол, сидела на полу Мириам, Алекс испуганно прижался к матери. В стенке виднелся пунтир пулевых пробоин.

– Вы целы? – Сербка встала на тахту с ногами, опустила потолочную панель и, глубоко запустив руку, вытащила автомат.

Мириам от удивления ничего не могла сказать.

– Если вы целы, то залезайте в машину, – посоветовала Даринка. – Там открыто, – и тут же исчезла из трейлера.

Мириам выглянула на улицу. Вблизи металась медсестра, дым полз клубами, пламя рвалось к небу.

– Беги, я за тобой!

Пригнувшись, Алекс перебежал к «Лендроверу», за ним – Мириам. Она распахнула заднюю дверь.

– Падай на пол, я за тобой. Быстро!

Алекс упал между сиденьями, Мириам прикрыла его собой.

Пули просвистели над ними, ворвавшись в салон через открытые двери. Даринка ответила очередью из автомата – стреляла из-за торца трейлера. Боевики уже проникли во внутренний дворик.

– Не получается отцепить! – крикнул Милош. – Надо уходить, а то будет поздно.

Бородач в рваном халате, притаившийся возле колеса грузовика, недоверчиво прищурился, разглядев, что его собратьев по оружию и по разуму обстреливает женщина, и перевел на нее ствол автомата. Даринка среагировала мгновенно – развернулась всем телом и нажала на спусковой крючок. Бородач вскинул руки, высоко подбросив автомат, и упал под машину, из простреленного колеса с шипением выходил воздух.

Заурчал двигатель «Лендровера». Даринка запрыгнула на сиденье рядом с братом. Милош двинул машину на пониженной передаче. Бампер уперся в бок впередистоящего трейлера. Из-под пробуксовывающих колес полетели мелкие камешки.

Даринка стреляла через окно, не давая противнику приблизиться к машине. Наконец трейлер впереди неохотно сдвинулся, закрипело крыло о его обшивку. Милош, вывернув руль до упора, вырулил на площадь. Так и не отсоединившийся «живой» трейлер тянулся, раскачиваясь сзади. Боевики стреляли вслед, но он принимал все пули на себя, прикрывая беглецов.

Когда казалось, что спасение совсем близко, что стоит только нырнуть в темную узкую улочку, как с плоской крыши углового дома застрочил автомат. Огненные вспышки четко обозначили стрелка. Посыпалось боковое стекло.

Даринка вскинула автомат, выстрелила. Мужской силуэт в халате рухнул с крыши.

– Гони!

«Лендровер», громяхая трейлером, не летел, не мчал, а именно гнал по улочке. Милош еле успевал выворачивать руль, чтобы разминуться с очередным углом выступающего дома.

– Мириам где?

– Я здесь, – раздалось из-за спинки сиденья.

– Черт! – вырвалось у Милоша, в голосе явно прозвучало разочарование. – Не высовывайся. Мы уже почти вырвались.

И тут в поперечной улочке вспыхнули фары. Из нее наперерез пошел армейский джип. Но его водителю хватило сообразительности затормозить в самый последний момент. Все-таки машины были в разных весовых категориях. Милош буквально прочертил левым крылом глинобитную стенку дома, а правым зацепил бампер джипа. По «Лендроверу» стрелял поверх лобового стекла вставший во весь рост боевик. Даринка сняла его короткой очередью. Громяхающий трейлер прополз мимо, приняв на себя пущенные вдогонку пули.

– Уж лучше бы ты уложила водителя, – пробурчал Милош, глядя на отблески света фар, вырывающиеся между стенами и бортами трейлера, – он увязался за нами.

– Выбора не было. Когда целятся в тебя...

Даринка не договорила – сзади затрещало, захрустело, заскрежетало. Длинный жилой трейлер не вписался в поворот и застрял между стенами. «Лендровер» дергался, не в силах вырвать прицеп из ловушки.

– Черт бы побрал эти закоулки!

– А что ты хотел? Их прокладывали не люди, а ослы, на которых они ездят.

Сзади уже слышались крики, гремела обшивка. Боевики явно пытались взобраться на трейлер. Вот уже и показался один из них; он выпрямился на покосившейся крыше, вскинул автомат. Милош решительно вдавил педаль газа. «Лендровер» дернулся. Боевик качнулся, упал, скатился с крыши и застрял в щели между трейлером и стеной. Он закричал – звал на помощь товарищей.

– Чего ждешь? – зло крикнула Даринка.

Милош, избегая смотреть в зеркальце заднего вида, переключился на пониженную и дернул машину. С душераздирающим скрежетом «Лендровер» потащил прицеп, сдирая с него листы обшивки. Крики зажатого боевика смолкли.

– Он хотел убить нас, – словно оправдываясь перед Мириам, произнес Милош.

И тут трейлер, вырвавшись из ловушки, качнулся, встал на два колеса, увлекая за собой машину. Даринка вцепилась в поручень, Мириам завизжала. Крыша трейлера уперлась в соседнюю стенку, остановив падение.

Все в балансирующем на двух колесах «Лендровере» замерли; слышалось только опасное похрустывание изувеченного трейлера, из-за которого пробивался свет фар джипа боевиков да слышались их ругательства. Затем коротко проскрежетало. Фаркоп внедорожника наконец-то вырвался из крепления трейлера. Машина вновь встала на все четыре колеса. Милош тут же рванул вперед. Теперь вести машину было достаточно легко.

Когда «Лендровер» выскочил за пределы поселка, он выключил фары, погасил и габариты.

– Ты с ума сошел, притормаживай! – закричала Даринка, когда перед ними в очередной раз из темноты возник большой камень.

– Ага! Притормаживай! – зло отозвался Милош. – По габаритам они к нам легко пристреляются.

Через час дороги по проселку наконец-то стало понятно, что боевики не преследуют беглецов. «Лендровер» выехал на шоссе. После тряски казалось, что машина не едет, а парит над асфальтом. Мириам сидела на заднем сиденье, обнимая за плечи испуганного Алекса.

– Куда теперь? – спросил Милош у сестры, когда узкое шоссе уперлось в трассу.

Даринка задумалась, а затем решительно произнесла:

– Если после всего, что случилось, мы сразу двинемся к афганской границе, спецслужбы сразу поймут, что не ошибались в своих догадках.

– Предлагаешь вернуться в Исламабад?

– Совсем ненадолго. Так бы сделал любой из уцелевших врачей нашей миссии. Зарисуемся и потом незаметно покинем город, когда до нас никому не будет дела.

Мириам прислушивалась к разговору на не понятном для нее сербском языке и не могла взять в толк, о чем спорят брат и сестра. Ведь куда еще можно ехать в такой ситуации? Только в столицу, где можно рассчитывать на защиту властей. Сколько ни устраивалось в Пакистане религиозных бунтов, столицу власти неизменно держали под контролем.

– Надеюсь, мы не ошиблись, – произнес Милош, сворачивая под указатель «Исламабад».

Мириам молчала несколько километров, затем все же не выдержала:

– Это, конечно, не мое дело, но откуда у вас оружие? Почему вы держали его в тайнике?

– Милая моя, – обернулась к Мириам Даринка. – Это оружие спасло нам всем жизнь. И хотя бы только поэтому постарайся забыть о нем. Мы доставим тебя и сына в британское посольство. Мы – мирные врачи, которым посчастливилось вырвать тебя из поселка, на который напали боевики.

– А если нас остановит полиция?

– Ты же не станешь спорить, если я расскажу историю о том, как мы подобрали оружие, выроненное одним из нападавших?

– Я вам так благодарна, – напряженно произнесла Мириам.

Километров через двадцать Милош свернул с трассы. Машина въехала в полуразрушенный то ли сарай, то ли ангар.

– Заночуем здесь, лучше ехать днем, – объяснил Милош.

Мириам с сыном хозяева уступили для ночлега машину. Брат и сестра вытащили багаж и, отойдя в сторонку, принялись перепаковать образцы грунта, воды и воздуха, взятые неподалеку от промышленного объекта. Вскоре они уже выглядели совсем не подозрительно. Стери-

лизаторы были обклеены бумажными полосками с предупреждением, что вскрытие нарушит стерильность. На пробирках с водой появились этикетки, извещавшие, что внутри химические реагенты. Мало ли что может оказаться в машине у медиков.

5

Майор Лавров любил повторять своим подчиненным, что случайностей в этом мире не существует. И по большому счету всегда оказывался прав. Но на этот раз он ошибся. Нет правил без исключений. Боестолкновение на закате дня явилось результатом досадного стечения обстоятельств. Российские десантники высаживались на плато, будучи уверенными, что выбрали безлюдную местность. Боевики же еще неделю тому назад и сами не думали, что окажутся в здешних местах. Но судьба свела и тех, и других в недоброе время.

Отряд полевого командира Салада уже давно занимался не столько войной с силами коалиции, сколько бизнесом. А самый доходный бизнес в Афганистане – производство наркотиков и наркотрафик. Дехкане засеивают свои поля опиумным маком, в кустарных условиях из него получают опий-сырец, в лабораториях он проходит очистку. Ну а затем смертоносный наркотик растекается по всему миру, в том числе попадает и в Россию. Дехкане получают за сырье самую малость, при этом многие духовные лидеры из числа фанатиков убеждают их, что, производя отраву, они совершают «святое» дело – изводят неверных. Основные деньги достаются тем, кто контролирует наркотрафик – доставку наркотика, и тем, кто продает его на улицах больших городов. Цены на опий, начиная с афганского поля, вырастают в тысячи раз.

Этот преступный бизнес – не секрет для западных государств, входящих в антиталибскую коалицию. Их вооруженные силы, а также подконтрольные им правоохранители Афганистана нередко устраивают облавы, военные операции по уничтожению маковых плантаций и баз вооруженных группировок, осуществляющих наркотрафик. Но вся беда в том, что силы коалиции контролируют лишь малую часть территории страны – крупные города, магистрали. Вдали же от них все поделено между группировками полевых командиров, которые под прикрытием борьбы за веру и независимость в своем большинстве просто набивают карманы наркодолларами.

Вот под одну из таких зачисток, осуществляемую силами коалиции, и попала группировка Салада, державшая наркотрафик, ведущий в Пакистан. Американцы совместно с британцами не стали мелочиться, нанесли массированный удар с воздуха по базе полевого командира. Самому полковому командиру и его приближенным повезло – ставка находилась в горных пещерах. Погибли простые бойцы, принявшие на себя ракетно-бомбовый удар. Поэтому дожидаться подхода наземных сил Салад не стал и увел своих уцелевших людей в соседний район, контролируемый другим полевым командиром – Мустафой по кличке Шурави. Разные они были с Саладом люди, но совместная борьба против сил коалиции требовала проявить гостеприимство. Мустафа-Шурави дал приют соседу в безлюдном районе, неподалеку от горного плато.

Вот так и оказался отряд Салада на склоне горы в тот самый вечер, когда высаживались российские десантники. Боевики сами охренели, когда в небе раскрылись купола парашютов. Салад с перепугу решил, что это янки с британцами вычислили его новое укрытие и решили захватить в плен.

Сказать, что Салад победил в ночном бою, не мог и он сам. Странная случилась стычка, многое было непонятно. Уже теперь, ближе к утру, полковой командир искал ответы на эти странности. Десантники явно не ожидали столкновения с противником, у них отсутствовало прикрытие с воздуха. Их силы были недостаточны для штурма горного склона, на котором расположились боевики. Но тогда зачем и кто осуществил высадку? И Салад искал ответы на эти вопросы. Ведь теперь под угрозой оказался весь его бизнес. Силы коалиции перерезали старый маршрут караванов с опиумом, и следовало наладить новый безопасный маршрут, иначе покупатели товара не поймут чужих трудностей. В таком случае уйти с рынка живым Салад

уже не мог. Не те края, не те нравы. Тут, если мужчина взял в руки оружие, он уже не уходит на пенсию.

Брезжил рассвет. Салад, прибывший на плато час тому назад, все еще рассматривал то, что осталось от контейнера. Разбросанные по каменистой земле обгоревшие доски, остатки капроновых лент, осмаленные пенопластовые плиты. Квадроциклы, разорванные на части; гильзы, обгоревшие автоматы. Трупы боевиков уже собрали, завернули в саваны, особо разбираться, где чья нога или рука, не старались, просто сложили так, чтобы все было в комплекте. Потом Аллах разберется, кому что принадлежало при жизни.

Салад пнул ногой еще дымящийся скат квадроцикла.

– И почему ты думаешь, что это были не янки или британцы? – спросил он у своего заместителя Махмуда, довольно крепкого телосложения боевика с жиденькой, как у многих восточных людей, бороденкой и темным шрамом над кадыком. – Сам же говоришь, что на них была натовская форма.

Махмуд, которому и пришлось командовать боем, поднял гильзу.

– От автомата Калашникова, других мы не нашли.

– Это не доказательство. Вон квадроциклы японского производства. Может, ты еще скажешь, что это японцы тебе на голову свалились?

Махмуд пожал плечами:

– Согласен, Салад. «АКМ» могли быть и у американцев, если они затеяли провокацию против нас. Вот только какую?

– Ты же сам их видел.

– Темнота быстро наступила, не разглядел толком. Но один из моих старых моджахедов, который еще в прошлую войну сражался с русскими, сказал мне, что слышал, как они всякие специальные слова кричали, которые только от русских услышать и можно. Что-то на «п» и «х».

– И ты, Махмуд, их слышал?

– Слышал, как кричали; ничего не понял, хоть английский и знаю немного. Американцы таких слов не говорят.

– Позови того моджахеда.

– Погиб он, – заместитель полевого командира кивнул на горный склон. – Ничего, скоро их убитого из пропасти поднимем; может, что и прояснится?

У края пропасти десяток боевиков управлялись с веревками, подтягивали, заматывали за камни, вновь подтягивали. Внизу покачивалось завернутое в парашютный шелк тело. Наконец тело лейтенанта Прохорова легло на землю.

Салад всмотрелся в молодое лицо, скользнул глазом по выбившемуся из-под воротника нательному православному крестику.

– Волосы светлые, глаза голубые, крестик – значит, христианин. Это может быть кто угодно – и американец, и британец, – проговорил он. – Правда, и у него автомат русский.

Махмуд с сожалением покачал головой:

– Компьютер у него к груди привязан был, одни обломки остались. Жаль, ничего мы не узнаем.

Один из боевиков уже обыскал карманы убитого:

– Документов никаких, только это, – он разложил на парашютном шелке три игральные карты и глянцевую картонку со счетом в недоигранную «тысячу».

– Цифры какие-то, колонками записаны, буквы вверх, – склонив голову набок, проговорил Салад.

– Похоже на шифровку, – согласился Махмуд.

– А карты тогда зачем? Почему их три?

– Может, пароль такой предъявить он был кому-то должен? – Махмуд перевернул записи.

Картонка оказалась аккуратно оторванной крышкой от блока сигарет «Ява».

– «ЭР», «БЭ», «А», – прочитал слово Салад, ошибочно приняв «Я» за латинское «R». – Ты про такие сигареты слышал?

– У них в коалиции всяких хватает. Есть и поляки, и чехи, – отозвался Махмуд, внимательно рассматривая картонку. – Нет, Салад, это русские сигареты. Вон, «Москва» написано.

Салад теперь уже внимательнее присмотрелся к лицу мертвеца. Ему казалось, что на мертвых губах лейтенанта Прохорова застыла издевательская улыбка.

– Значит, русские... Во всем мире курят американские, и только русские могут такие сигареты курить, – вздохнул Салад. – Неужели русские с американцами до такой степени сдружились, что решили совместную операцию против нас провести?

– Вполне возможно. Наш опий и в Москву через Пакистан идет. Русские с американцами теперь вроде как и не враги, – подсказал Махмуд.

– Только этого нам не хватало, – Салад поскреб небритую щеку. – Похоже на них, только они могут десант без прикрытия с воздуха высадить. Какая у них задача?

– Наверное, разведка, – предположил Махмуд и, вскинув голову, с тревогой посмотрел в сторону восточного ущелья. – Другой дороги у них отсюда нет. Не в Пакистан же им идти.

– Верно сказал. Пока русские – если это только они – других не выбросили, надо разобратся, что к чему, что им у нас понадобилось...

Со стороны ущелья появились двое всадников на конях. Салад напрягся, тут же вскинул бинокль и сразу выругался.

– Шифровку спрячь. Это Мустафа-Шурави. Незачем ему все знать.

Махмуд проворно подхватил счет в «тысячу» и сунул его за полу халата. Всадники приближались, земля гулко отдавалась стуком под копытами коней.

– Ассалям алейкум, Салад, – не очень приветливо поздоровался Мустафа со своим коллегой-боевиком.

Он спрыгнул с коня, встал перед Саладом, высокий, широкоплечий, независимый, одетый не в халат по местной традиции, а в камуфляж. Лицо начинающего стареть, но все еще очень крепкого мужчины, привыкшего к походной жизни, было гладко выбрито. На голове войлочный берет. В нем не присутствовало и намек на ту расхлябанность, которой отличались люди Салада.

– Ваалейкум ассалям, Мустафа, – ответил полевой командир.

– Знаю, что ты меня Шурави за глаза называешь, можешь и в лицо назвать. Я не буду в обиде. Разобрался, что к чему?

– Похоже, американцы, – сделал непроницаемое лицо Салад. – Следом за мной пришли. Вот и поплатились.

Мустафа бросил взгляд на «калашников» рядом с убитым лейтенантом, но ничего не сказал по этому поводу, а произнес:

– Не хвались. Твои люди только одного убили, а они твоих восьмерых уложили и ушли. Если бы я тебе гранатомет на ишаке через перевал вовремя не прислал, мы с тобой, возможно, и не разговаривали бы теперь.

– За гранатомет я отблагодарю и за твоего убитого погонщика заплачу, – поспешил пообещать Салад.

– Эх, ты... – вздохнул Мустафа. – Сразу о деньгах заговорил. Я тебе как брату по вере помог. Денег мне от тебя не надо. Грязные у тебя деньги.

– Я против неверных воюю, – попытался выпятить грудь Салад.

– Погоди, – внезапно оборвал его Мустафа-Шурави и присел возле убитого лейтенанта. Глянул на выбившийся из-под одежды нательный крестик, безо всякого напряжения почти беззвучно прочитал надпись, сделанную по-русски: «СПАСИ и СОХРАНИ», незаметно сорвал

его с цепочки и зажал в кулаке, после чего добавил абсолютно нелогичное: – Ты прав – это американцы.

– Почему ты не хочешь взять от меня деньги? – прищурился Салад. – Мы же братья-мусульмане. Ты помог мне, дал приют на земле, которую контролируешь, а я помогу тебе.

– Я не контролирую эту землю, – поднялся Мустафа. – Я живу на ней вместе с местными людьми и защищаю ее от захватчиков. Когда твои люди входят в кишлаки, жители бегут в горы, затворяются в домах. Потому что твои люди грабят и убивают. А когда мой отряд входит – нам несут угощение, нас встречают, даже дети не прячутся. Потому что я защищаю их от всех, кто несет смерть, войну и насилие. Ты торгуешь отравой, заставляешь дехкан засеивать поля маком. Из-за таких, как ты, американцы все еще здесь. Перестань торговать опиумом, и они уйдут. Настанет мир. Я даю тебе возможность переждать тяжелое время здесь, рядом со мной. Но не вздумай продолжать свое дело за моей спиной, иначе станешь моим врагом.

– Я погорячился, Мустафа, – притворно улыбнулся Салад.

– Сказал – Мустафа, а подумал – Шурави, – проговорил полевой командир, вскакивая на коня.

Салад, прищурившись, посмотрел ему вслед.

– Махмуд, – обернулся он к своему заместителю, – с Шурави придется что-то делать. Он не даст нашим караванам дорогу в Пакистан. С ним нельзя договориться, и он не хочет денег. Но его любят здешние жители. Они заступятся за него. Если захочет, тысячи мужчин возьмут в руки оружие.

Махмуд сузил и без того узкие глаза:

– Десантники появились очень кстати. Если правильно убить Шурави и его командиров, то люди подумают, что это сделали русские. К вам перейдут его бойцы и его территория.

– Дело говоришь, Махмуд!

6

Трое десантников, пыхтя, перетаскивали через камни груженный под завязку квадроцикл. Капитан Столяров оступился.

– Берегись! – крикнул он.

Старлей Митягин и прапорщик отпрыгнули, опасаясь, чтобы их не ударило падающей машиной. А вот сам Столяров все-таки выстоял, пальцев не разжал, сумел мягко опустить колесо на камень, после чего вытер вспотевший лоб рукой.

– Вот так всегда получается, – засмеялся он. – Все люди делятся на тех, кто выпускает груз последним, и на тех, кто бросает его первым. Мне это напоминает времена, когда мы с друзьями по школе пошли на байдарках по карельской речушке. Думали плыть, а половину дороги пришлось тащить байдарки с грузом на себе по перекатам да через лесные завалы.

Солнце уже поднималось над горами, десантники шли и ехали больше двух часов, а прошли всего восемь километров, и то если считать их вдоль петляющей тропы. По прямой же не получалось и пяти.

– Камень в мой огород? – Батяня со старшиной и прапорщиком Василием взялись за второй квадроцикл. – Мне не стоило возвращаться к контейнеру? Пусть бы долбаные талибы на нашей технике по кишлакам раскатывали?

– Не знаю, что правильно, а что – нет, но прошли мы всего ничего. И, даже будь с нами чудо-карта в 3D-формате, дорожка шире от этого не стала бы, – признался капитан. – Это на экране ноутбука катить по ней можно было, как на ралли Париж – Дакар, а на деле – карельская речушка и байдарки.

– Отставить панические разговоры, – незлобно промолвил Батяня, вдвоем с Митягиным перетаскивая второй квадроцикл через преграду.

Майор Лавров уже и сам стал сомневаться, что группа уложится в график, а разминуться с сербами во времени было нельзя – связь с ними отсутствовала. Даже с «центром» майор связаться не мог. Так что единственным выходом пока виделось свято соблюдать прежние договоренности.

Еще через час, подойдя к перевалу, за которым, если верить карте, находился кишлак, Лавров окончательно убедился, что продвигаться вперед прежним способом бессмысленно. Карта давала похожую на реальность местность, но только похожую, тропы, существовавшие десяток лет тому назад, изменили трассировку – горные обвалы и оползни сделали свое черное дело.

– Квадроцикл на пляже хорош, – не уставал болтать капитан, – девушек катать. Летишь по самой кромке прибоя, визг, брызги. А здесь бы кони пригодились.

– Что-то я не слышал о наличии кавалерии в составе ВДВ, – хмуро заметил Батяня. – Ты, Валера, себе представляешь лошадь на парашюте?

– Запросто, товарищ майор. Даже зайца можно научить зажигать спички, если каждый день бить его по голове. А уж лошадь прыгать с парашютом – и подавно.

– Займешься этим, вернувшись в часть, – подытожил предложение Лавров. – А сейчас – вынужденная остановка, и пять минут на мозговой штурм сложившейся ситуации.

Остановка и впрямь оказалась вынужденной. Нахоженная тропа упиралась в каменистую осыпь, на которую не только заехать, ступить было опасно. Тонны камней лежали выше по крутому склону и грозили съехать в низину. От тропы уходила вторая тропинка, но сразу было видно, что ей редко пользовались. Ветви кустарников местами смыкались, перегораживая путь.

Лавров, прихватив бинокль, забрался на отрог и глянул в сторону кишлака. По афганским меркам это было небольшое поселение – дворов на восемьдесят-сто, расположенное в долине. Под самым горным склоном протекала бурная речка, на каменистом берегу которой

женщины стирали белье. Рядом на пригорке размещался просторный глинобитный дом, во дворе колыхались на веревках простыни. Белья было много, простыни висели в несколько рядов.

«Прачечная у них там, что ли?» – подумал Лавров, разглядывая берег реки.

Группа недолго ждала возвращения командира. Когда комбат спустился со скалы, то по лицу его было нетрудно догадаться, что решение уже найдено. И это обнадеживало. Лавров решительно сел на камень.

– Здешние места я немного знаю, воевал здесь в молодости, но многое изменилось с тех пор, – начал он. – Не изменилось только одно. Без проводника нам не добраться в назначенный квадрат. Каждый месяц что-то меняется. И это аксиома.

– Не требующая доказательств, – вставил капитан.

– Аксиома – это и есть теорема, не требующая доказательств... Так вот, мы с капитаном, как с самым умным из нас, отправляемся в кишлак, берем там проводника и возвращаемся сюда. А дальше по обстоятельствам. Возможно, квадратики придется и оставить. Если у кого-то созрели другие предложения, готов выслушать, – Лавров обвел взглядом десантников.

– Берем проводника – это как? – поинтересовался капитан Столяров. – Можно уточнить?

– Объявление в центре поселка вывешивать не станем. Деньги у нас есть, и немалые – родное ГРУ обеспечило долларами на текущие расходы. Не знаю, фальшивые они или настоящие. Не в банковский обменник нам их нести, а для сельской местности – сойдут. Я ясно ответил на вопрос?

– Более-менее, – согласился Столяров.

– Значит, других предложений нет. Старлей, принимаешь командование группой. Вместе с техникой спускайся в низину и ожидай нашего возвращения. Если до наступления темноты мы не вернемся, действуйте по обстановке. Двинулись, капитан.

Карты и компас перешли к старлею Митягину.

Лавров со Столяровым осторожно ступили на осыпь, захрустели камешки.

– Поласковей ступай, капитан.

– Стараюсь. Но даже десантники без парашюта летать над землей не умеют, а во мне восемьдесят пять килограммов, товарищ майор.

– Во мне не меньше.

7

Утреннее солнце сдвинуло тень горного хребта, и яркие блики заиграли на переливающейся поверхности бурной речки. Чистый галечный пляж был уставлен разноцветными пластиковыми тазиками, где отмокали простыни. Женщины полоскали белье в стремительном холодном потоке. Накручивали простыни на деревянные валики, били их колотушками, вновь полоскали. Отжимали, выкручивали, складывали в плетеные корзины и несли на пригорок развешивать для просушки. Там колыхались, раскачивались на длинных веревках, натянутых между подпорками, белоснежные простыни.

Занятые работой женщины вели себя непосредственно, переговаривались, приподнимали подола, заходя в ледяную воду, смеялись. Но стоило появиться мрачному мужчине в каракулевой шапке, как смех тут же смолк, разговоры прекратились. Женщины торопливо одергивали подола, даже несмотря на то, что те опускались в воду. Уж слишком строго смотрел на них мужчина, нанявший их на работу; при этом его глаза плотоядно вспыхивали, когда удавалось поймать взглядом их белоснежные, никогда не видевшие солнца голени.

Особняком от других женщин держалась совсем еще юная девушка. Она полоскала простыню, при этом что-то музыкально мычала себе под нос, подол ее платья был поднят высоко, так что под ним даже угадывались колени. Девушка то и дело беззаботно и беспричинно смеялась. Она словно не работала, а играла. Явно была не в себе. В каждом селении отыщется свой сумасшедший – обычно безобидный и участливый, способный выполнять несложную работу, чтобы прокормить себя.

Девушка взмахнула простыней, полетели брызги, она до неприличия громко засмеялась, но когда простыня плашмя упала на воду, течение подхватило ее, дернуло и вырвало из пальцев. Белую материю закрутило в водовороте, и белье стремительно понесло вниз по течению. Юродивая вскрикнула и растерянно выпрямилась.

Бородач в каракулевой шапке подбежал к ней и грозно указал на воду, мол, лезь – доставай. Девушка, немая от рождения, развела руками, показывая, что не успеет, простыню уже унесло далеко, ее не вернуть, и спокойно потянулась к тазу, собираясь взять следующую.

Спокойствие юродивой взбесило мужчину, он наотмашь ударил безумную по лицу. Девушка недоуменно посмотрела на него, а потом расплакалась и побежала прочь, скрылась среди колыхающегося на веревках белья. Другие женщины притихли, приостановили работу. Но никто не решился и слова сказать. Мужчина обвел всех недобрым взглядом, а затем, плотоядно причмокнув губами, двинулся вслед за беглянкой.

Женщины переглядывались, сочувствуя немой. В селении ее жалели, старались не обижать. Но есть в этом мире и злые люди, готовые воспользоваться чужой беспомощностью. Ведь немая никому толком не расскажет, а даже если и сумеет дать понять жестами, что случилось с сиротой – как именно ее обидели, то сумасшедшей не всякий поверит.

Бородач в каракулевой шапке стоял среди покачивающихся под утренним ветерком простыней, прислушивался. Затем улыбнулся и отодвинул одну из них. Он успел лишь заметить, как девушка метнулась от него, скрывшись среди белья.

– Постой! – крикнул. – Не обижу, – он облизнулся и хмыкнул. – Ну вот, теперь совсем другое дело, не бойся, ничего плохого в этом нет, – проговорил он, когда на волнистую от ветра простыню с другой стороны упала косая, обманчивая тень.

Бородач потянул край материи на себя и испуганно замер. По ту сторону вместо юродивой он увидел капитана Столярова. Валерий держал в руке пистолет. Крикнуть бородач не успел, сзади его схватил майор Лавров и, тут же приставив к горлу лезвие стропореза, заставил опуститься на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.